

Адриан Конан Дойл

Черные ангелы

*Часть сборника
Все приключения Шерлока
Холмса*

Шерлок Холмс. Свободные продолжения

Адриан Дойл
Черные ангелы

«АСТ»

1954

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

Дойл А. К.

Черные ангелы / А. К. Дойл — «АСТ», 1954 — (Шерлок Холмс. Свободные продолжения)

«...Стояло ясное прохладное утро мая 1901 года, и мундиры постоянно встречавшихся нам исхудалых мужчин с бронзовыми от загара лицами, приехавших в отпуск с войны в Южной Африке, приятно контрастировали в толпе с массой одетых в темных тонах женщин, которые все еще носили траур по недавно почившей королеве...»

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

© Дойл А. К., 1954
© АСТ, 1954

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Адриан Конан Дойл

Черные ангелы

– Боюсь, Уотсон, что нордический тип характера дает мало пищи для человека, серьезно изучающего преступность. В основном приходится иметь дело с прискорбно банальными случаями, – заметил Холмс, когда мы свернули с Оксфорд-стрит на значительно менее запруженный пешеходами тротуар Бейкер-стрит.¹

Стояло ясное прохладное утро мая 1901 года, и мундиры постоянно встречавшихся нам исхудалых мужчин с бронзовыми от загара лицами, приехавших в отпуск с войны в Южной Африке, приятно контрастировали в толпе с массой одетых в темных тонах женщин, которые все еще носили траур по недавно почившей королеве.

– Я мог бы напомнить вам, Холмс, десятки случаев среди ваших собственных расследований, которые опровергают это утверждение, – ответил я, с удовлетворением отмечая, что наша утренняя прогулка привнесла немного здорового румянца на обычно землистого цвета щеки моего друга.

– Ну, например? – спросил он.

– Взять хотя бы недоброй памяти доктора Гримсби Ройлотта. Использование прирученной змеи в целях убийства едва ли можно отнести к категории заурядных преступлений.

– Мой дорогой друг, упомянутый вами случай только служит подтверждением моей точки зрения. На пятьдесят других дел мы сможем припомнить разве что доктора Ройлотта, Святошу Петерса и еще пару других случаев, которые памятливы нам только потому, что преступники, совершая свои деяния, пускали в ход воображение, что совершенно нетипично для моей обычной практики. Признаюсь вам, я порой склоняюсь к мысли, что, подобно тому, как Кювье может воссоздать облик животного в целом по одной лишь кости, логически мыслящий человек мог бы составить себе представление о преобладающих чертах преступности в стране по особенностям национальной кухни.

– Не понимаю, каким же образом, – рассмеялся я.

– Просто хорошенько подумайте над этим, Уотсон. А вот, кстати, и неплохая иллюстрация к моим словам, – и Холмс указал кончиком трости на шоколадного цвета омнибус, который со скрежетом тормозов и веселым позвякиванием лошадиной сбруи остановился на противоположной стороне улицы. – Это один из французских омнибусов. Посмотрите на возницу, Уотсон. Он весь комок нервов и эмоций в своей перепалке с тем младшим офицером флота, получившим длительный отпуск после службы на одной из военно-морских береговых баз. Здесь как раз хорошо видна разница между острой чувственностью и практичностью. Французский соус против английской подливки. Понятно же, что два столь противоположных персонажа не могут совершить сходных по почерку преступлений.

– Хорошо, согласен, – уступил я. – Но объясните хотя бы, с чего вы взяли, что мужчина в клетчатом плаще – флотский офицер в длительном отпуске?

– Ну же, Уотсон! Вы не могли не разглядеть у него на рукаве нашивку за участие в крымской кампании, а это значит, что он уже слишком стар для службы в действующих войсках. Но в то же время на нем относительно новые флотские башмаки – признак того, что его призвали из запаса. В его манерах чувствуется некоторая привычка командовать, что поднимает его над рядовым матросом, но его лицо не более загорелое и обветренное, чем у того же возницы омнибуса. Отсюда и следует, что он из младшего офицерского состава, приписанного к какой-нибудь береговой базе или тренировочному лагерю.

– А длительный отпуск?

¹ © Перевод. И. Моничев, 2011.

– На нем гражданская одежда, но со службы его не уволили, поскольку, заметьте, трубку он набивает табаком из флотского пайка. В обычных табачных лавках такого не купишь. Да, но вот мы и перед нашим домом 221б, и, хотелось бы надеяться, вовремя, чтобы еще застать посетителя, нанесшего нам визит, пока мы прогуливались.

Я с недоумением посмотрел на нашу наглухо закрытую дверь.

– В самом деле, Холмс, – воскликнул я возмущенно, – иногда вы заходите в своих предположениях слишком далеко!

– Крайне редко, Уотсон! Дело в том, что колеса общественных экипажей в это время года обычно заново красят. Если вы обратите внимание на край тротуара, то заметите длинную зеленую полосу, оставленную там, где кеб колесом задел бордюрный камень. Час назад, когда мы уходили, ее еще не было. Кебмену пришлось ждать достаточно долго, потому что он успел дважды выбить табак из своей трубки. Нам остается только надеяться, что пассажир решил все-таки дождаться нашего возвращения и отпустил экипаж.

Когда мы поднимались по лестнице, из своей комнаты на первом этаже показалась миссис Хадсон.

– Вас уже почти час дожидается посетительница, мистер Холмс, – информировала нас она. – Я провела ее в гостиную. Вид у бедняжки был такой усталый, что я взяла на себя смелость приготовить для нее чашку доброго крепкого чая.

– Благодарю вас, миссис Хадсон. Вы все сделали правильно.

Мой друг посмотрел на меня с улыбкой, но в выражении его глубоко посаженных глаз отчетливо мелькнуло и любопытство.

– Что-то наклеывается, Уотсон, – сказал он чуть слышно.

Когда мы вошли в гостиную, наша гостья поднялась навстречу. Это была светловолосая девушка, которой было едва больше двадцати, тонкая и грациозная, с почти прозрачной кожей лица и огромными голубыми глазами, цвет которых в глубине менялся на почти фиолетовый. Она была просто, но опрятно одета в желтовато-коричневый дорожный костюм с шляпкой в тон, которую украшало розовое перо. Все эти детали я отметил про себя почти бессознательно, поскольку человека моей профессии гораздо больше заинтересовали темные круги у нее под глазами и трепет губ, выдававший сильное эмоциональное напряжение, опасно близкое к нервному срыву.

Извинившись, что заставил ждать, Холмс усадил гостью в кресло у камина, а затем, устроившись в своем собственном, принялся внимательно разглядывать ее из-под своих тяжелых век.

– Как я понимаю, вы чем-то сильно напуганы, – мягко сказал он. – Прошу вас, не сомневайтесь, что доктор Уотсон и я сам полностью к вашим услугам, мисс...

– Меня зовут Дафна Феррерс, – представилась посетительница. Потом она вдруг подалась вперед и уставилась на Холмса необычайно пристальным взглядом.

– Вы согласны, что ангелы тьмы – это предвестники смерти? – спросила она шепотом. Холмс при этих словах едва заметно покосился на меня.

– Надеюсь, мисс Феррерс, вы не будете против, если я закурю трубку? – спросил Холмс, протягивая руку к каминной полке. – Что же касается ангелов тьмы, милая девушка, то рано или поздно нам всем предстоит встреча с ними, и это едва ли повод обращаться за консультацией к двум уже не первой молодости джентльменам с Бейкер-стрит. Так что будет лучше, если вы поведаете нам свою историю с самого начала.

– Представляю, какой дурочкой я, должно быть, кажусь вам! – воскликнула мисс Феррерс, на совершенно бледных щеках которой проступил чуть заметный румянец стыда. – А когда вы услышите мою историю, узнаете те факты, которые медленно сводят меня с ума от страха, вы, наверное, и вовсе надо мною посмеетесь.

– Спешу вас заверить, что этого ни в коем случае не произойдет.

Наша гостья помедлила секунду, словно собираясь с мыслями, а потом решительно приступила к своему рассказу.

– Вам, видимо, нужно знать, что я единственная дочь Джошуа Феррерса из Абботстэндинга в Гэмпшире, – начала она. – Кузен моего отца – сэр Роберт Норбертон с Шоском-Олд-Плейс, с которым вы познакомились несколько лет назад, и, собственно, это по его совету я и направилась к вам, когда мои проблемы стали для меня невыносимы.

Холмс, который сидел, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза, вынул изо рта трубку.

– Почему же в таком случае вы не пришли ко мне еще вчера вечером, как только прибыли в Лондон, а стали дожидаться утра? – поинтересовался он.

Мисс Феррерс заметно вздрогнула.

– Сэр Роберт только вчера за ужином порекомендовал мне обратиться к вам. Но я не понимаю, мистер Холмс, каким образом...

– О, милая леди, это совсем просто! На правом обшлаге и локте вашего жакета видны чуть заметные, но тем не менее вполне отчетливые следы сажи, какие остаются, если сидеть у окна в пассажирском поезде. А вот ваши туфельки чисты и отполированы до блеска, что могли сделать только в очень приличном отеле.

– Мне кажется, Холмс, – вмешался я, – что нам следует выслушать историю мисс Феррерс, не перебивая ее больше. Могу сказать как медик: ей важно как можно скорее сбросить с плеч груз гнетущих ее проблем.

Наша миловидная гостья поблагодарила меня взглядом своих голубых глаз.

– Как вам прекрасно известно, Уотсон, я действую сообразно собственным методам, – отчитал меня Холмс. – Однако, мисс Феррерс, мы все – внимание. Извольте продолжать.

– Должна упомянуть, – снова заговорила она, – что значительную часть раннего периода своей жизни отец провел на Сицилии, где ему по наследству достались обширные виноградники и оливковые плантации. Но после смерти моей матери Италия стала ему в тягость. Скопив к тому времени весьма значительное состояние, он распродал свои угодья и вернулся в Англию. На протяжении более чем года мы переезжали из одного графства в другое в поисках дома, который удовлетворял бы довольно-таки необычным запросам отца, пока он не остановил свой выбор на Абботстэндинге близ Болью в Нью-Форесте.

– Минуточку, мисс Феррерс. Не могли бы вы уточнить, что это за необычные запросы?

– Мой отец, мистер Холмс, превыше всего ценит покой и одиночество. Поэтому он настаивал, чтобы дом располагался в малонаселенной местности, а от усадьбы до ближайшей железнодорожной станции было не менее нескольких миль. Абботстэндинг – тогда еще сильно запущенный скорее замок, чем дом, в старину служивший охотничьим поместьем для аббатов из Болью, подошел ему идеально, и после всех необходимых ремонтных работ мы наконец обрели там свое постоянное пристанище. Это было пять лет назад, мистер Холмс, и с самого первого дня по день нынешний мы живем, окруженные тенью не имеющего ни названия, ни конкретных форм ужаса.

– Если у него нет ни форм, ни названия, каким же образом он проявляет себя?

– Посредством обстоятельств, которые управляют всей нашей жизнью. Отец наложил запрет на любое общение с нашими немногочисленными соседями, и даже все необходимые припасы нам доставляют не из ближайшей деревни, а специальным фургоном из Линдхерста. Наша прислуга состоит из дворецкого Маккинни, угрюмого и замкнутого человека, которого отец выписал из Глазго, а также его жены и ее сестры, которые делят между собой всю работу по дому.

– А есть какие-то работники на участке?

– Никого. Окружающей дом земле дали полностью зарости, и там теперь чаща из всевозможных сорняков.

– И все же я не вижу пока ничего особенно тревожного в описанных вами обстоятельствах, мисс Феррерс, – заметил Холмс. – Скажу больше, доведись мне самому поселиться в сельской местности, я, вероятно, поставил бы себя в сходные условия, чтобы терять как можно меньше времени на пустопорожнее общение с соседями. Стало быть, в доме живете вы, ваш отец и трое слуг?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.